

Подходы США к европейскому послевоенному устройству в свете отношений с Советским Союзом в 1943–1945 годах

Мягков М. Ю

В 1941–1945 гг. общность военных целей диктовала Ф. Рузвельту, У. Черчиллю и И. Сталину необходимость координации стратегических планов, поиска компромиссов при решении проблем послевоенного устройства Европы и мира. Очевидно и то, что каждая из держав «Большой тройки» имела свои собственные национальные интересы. При этом их лидеры учитывали как позицию своего окружения, так как и общественное мнение своих стран.

Еще до 22 июня 1941 г. Рузвельт рассматривал перспективы сближения с СССР, исходя из общей опасности со стороны держав «оси». Однако госдепартамент США полагал нецелесообразным обнадеживать СССР политическими обещаниями в случае нападения на него Германии. В меморандуме Отдела европейских стран госдепартамента от 21 июня 1941 г. говорилось: «...Мы не должны заранее давать никаких обещаний Советскому Союзу в отношении помощи, которую мы сможем оказать в случае германо-советского конфликта, и не будем принимать на себя никаких обязательств в отношении нашей будущей политики к России ...»¹

Накануне Второй мировой войны позиция Рузвельта по отношению к СССР была неоднозначной. На президента сильное влияние оказывали сторонники «жесткой» линии в отношении СССР — Ч. Болен, У. Буллит, Н. Гендерсон и др. Отрицательную реакцию в США вызвали сведения о репрессиях в СССР. Военачальники, как показывают документы, имели слабое представление о потенциале Красной Армии и недооценивали ее возможности. Военный атташе США в Хельсинки майор М. Стенсет в августе 1940 г. сообщал в Вашингтон: «Хотя считается, что Россия обладает в первой линии от 10 до 12 тыс. самолетов

и имеет от 4 до 5 тыс. танков ... весьма вероятно, что германские силы смогут нанести по ней уничтожающий удар и принудить, при благоприятных условиях, к капитуляции в течении 2–3 месяцев ...»².

Оказавшись после Пёрл-Харбора с СССР в «одной лодке», госдепартамент США, тем не менее, не торопился признать предвоенные советские границы. В конце 1941 — в начале 1942 г. в Вашингтоне придерживались той точки зрения, что если Советский Союз и не потерпит поражения, то встретит окончание войны экономически несостоятельным. Возможность усиления советского влияния в Европе не приветствовалась. Против принятия советских территориальных запросов в Европе выступал в то время и ближайший помощник Рузвельта А. Гарриман.

Во время своей беседы с руководителем Европейского отдела внешнеполитического ведомства США Р. Атертоном 22 января 1942 г. он отмечал, что увеличение американских поставок в СССР укрепит позицию западных союзников в отношениях с Москвой. Он предупреждал, что ни при каких условиях не следует идти на компромисс в территориальных вопросах с таким «оппортунистом» и «ловким дельцом», как Сталин. Гарриман полагал, что Сталин все еще чувствует себя «социальным изгоем» среди великих союзников. «Будет большим делом, — говорил он, — посылать ему почаще дружеские послания и повторяющиеся заверения о том, что позиция России за столом мирных переговоров будет идентична британской и американской»³.

По мере восстановления мощи Красной Армии менялось и отношение союзников к территориальным запросам СССР. Вскоре после Московской битвы и срыва германского «блицкрига», в мае 1942 г. на

Мягков Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, профессор Кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России; e-mai: grand@mgimo.ru

свет появляется рузвельтовская концепция «четырех полицейских» (США, СССР, Великобритания, Китай). Президент озвучивает ее перед членами госдепартамента⁴. Но после сталинградской катастрофы вермахта Рузвельт, стремясь к сотрудничеству с Москвой, в то же время не отвергал планов противостояния СССР.

Не находит подтверждения версия о том, что после битвы под Сталинградом, в начале 1943 г. Белый дом серьезно опасался выхода СССР из войны и его перемирия с Германией. Такие гипотезы рассматривались аналитическими службами разведки и госдепартамента. Но ими же они и опровергались, как невозможные, по причинам непримиримой борьбы на Восточном фронте и коалиционных обязательств Москвы. Однако Рузвельт стал опасаться, что поднимающаяся Россия станет проводить в Европе политику, которая будет противоречить интересам Запада. В окружении президента были влиятельные силы, которые не одобряли курса на сближение с Москвой.

В тот период бывший американский посол в СССР У. Буллит представил президенту целый ряд меморандумов, в которых настаивал на проведении более жесткой линии к СССР. «Европа, управляемая из Москвы, — по его мнению, — была бы такой же угрозой, как и Европа, управляемая из Берлина». Проблема, по мнению Буллита, заключалась в том, чтобы предотвратить советское доминирование в Европе, без риска лишиться участия Красной Армии в войне против нацистской диктатуры⁵. Он предлагал, по сути, то же самое, к чему стремился и Черчилль — опережающему вторжению западных союзников в Восточную Европу и на Балканы.

22 февраля 1943 г., излагая перед представителями госдепартамента свой взгляд на перспективы создания мировой системы безопасности, Рузвельт, по свидетельству очевидцев, был «очень обеспокоен вопросом о России». В меморандуме о встрече констатировалось, что «...с одной стороны, президент придерживается мнения, [что] ... фактически весь мир должен быть разоружен, за исключением Соединенных Штатов, Великобритании, России и Китая. Но, с другой стороны, президент с большой похвалой отзываясь о плане Буллита, основанном на недоверии к Советскому Союзу и согласно которому вся Европа западнее СССР должна быть организована как единый, хорошо вооруженный лагерь. Он нужен для того, чтобы противостоять продвижению России на запад. Президент не знает, что делать с Россией, и беспокоится за будущее развитие событий...»⁶

Ключевым моментом в разрешении этой дилеммы, на наш взгляд, является факт отказа Рузвельта и Черчилля информировать Сталина об ведущихся разработках в области ядерного оружия и планах его использования⁷. Секретные договоренности по эти вопросам между президентом США и британским премьером 1943–1944 года во многом определили климат союзнических отношений в последующий период.

В начале 1943 г. вопрос о втором фронте вызывал острые дискуссии среди союзников. Официальные

круги США и Великобритании считали неправомерным давление со стороны СССР с целью скорейшей высадки англо-американских сил во Франции. Свой сценарий развития событий в Европе имелся у высших военных США и Великобритании. На заседания объединенного англо-американского штаба в рамках Квебекской конференции 1943 г. начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл упомянул о создании в СССР движения «Свободная Германия». Из докладов, которые он получал, ему представлялось, что русские враждебно смотрят на капиталистический мир, к которому они стали относиться все более презрительно. «Их последнее заявление о «втором фронте», — отмечал генерал, — более не питаемое чувством отчаяния, является свидетельством такого отношения». Маршалл был заинтересован узнать мнение начальников штабов на случай, например, сокрушительного успеха Красной Армии. «Будет ли тогда Германия, — добавил он, — содействовать нашему вступлению в страну для того, чтобы отбросить русских?»⁸

Вопросы поставок по ленд-лизу занимали в советско-американских отношениях военного времени одно из ведущих мест. Нельзя отрицать большую значимость американской помощи СССР, обмена военно-технической информацией по новейшим технологиям. Но, как отмечает современный американский исследователь истории ленд-лиза профессор Ван Тулл, «счастливым совпадением являлся тот факт, что военные грузы, поставляемые в СССР, были, прежде всего, необходимы именно на Восточном фронте, но не являлись предметами острой нехватки в Соединенных Штатах»⁹.

Танки, самолеты, грузовики, приборы связи, промышленные станки, алюминий, провизия, поступавшие в СССР в годы войны усилили мощь Красной Армии, сделали ее более маневренной. Следовательно, ленд-лиз способствовал, прежде всего, быстрейшему завершению войны. В то же время, в самые критические годы войны — 1941–1942 — руководители Соединенных Штатов и Великобритании делали все от них зависящее для модернизации вооружения именно своих сил. Имели место и серьезные задержки в поставках по ленд-лизу. Этот последний факт прекрасно понимал Рузвельт, внимательно следивший за ходом событий на Восточном фронте.

За ревизию поставок в СССР выступали в 1944 г. новый американский посол в СССР А. Гарриман и глава военной миссии США в Москве генерал Дж. Дин. С середины 1944 г. в своих докладах в Вашингтон Дин делал упор на то, что СССР будет использовать ленд-лиз не только для борьбы с агрессором. «Чем дольше длилась война, — отмечал он, — тем отчетливей становилась ориентация требований на послевоенный период. Они касались промышленного оборудования, нефтепроводов, портовых сооружений и многого другого»¹⁰. В конце войны к позиции Дина стали все больше прислушиваться не только американские военные, но и политики. Следует заметить, что в суждениях генерала присутствовал очевидный

оттенок недружественного прагматизма. Помощь по ленд-лизу работала как на Советский Союз, так и на союзников, избавляя последних от огромных потерь и вражеского вторжения. И если некоторые поставки можно было использовать для послевоенного восстановления СССР, не являлось ли это всего лишь частью материальной компенсации за гигантские советские жертвы?

После Курской битвы открытое давление на СССР в вопросах послевоенного устройства было неприемлемо для Рузвельта, в том числе и по причине понимания им незначительности американской помощи (прежде всего по ленд-лизу) в общем объеме советских военных усилий. Осенью 1943 г. в разговоре с кардиналом Спеллманом, с которым он был в довольно доверительных отношениях, президент сказал, что после войны Россия будет «доминировать в Европе». «США и Великобритания не смогут воевать против России ... Русские выпускают так много военной продукции, что американская помощь, за исключением разве что грузовиков, представляется незначительной». Рузвельт ищет (или пытается показать, что ищет) приемлемый для Америки компромисс. По словам президента, мир мог бы быть поделен следующим образом: «Китай получает Дальний Восток, США — регион Тихого океана, Британия и Россия — Европу и Африку. Но поскольку Великобритания будет, прежде всего, занята своими колониями, то можно предположить, что интересы СССР в Европе будут доминирующими»¹¹.

В Вашингтоне и Лондоне стремились максимально выверить по времени начало союзной высадки во Франции. С одной стороны, к этому моменту Германия должна была быть основательно ослаблена советскими войсками, с другой, не потеряна возможность выхода западных союзников к ключевым районам Европы. Известно, что в первой половине 1943 г. проблема второго фронта вызвала самые серьезные разногласия между союзниками по Антигитлеровской коалиции. В мае 1943 г. Рузвельт официально сообщил Сталину о переносе сроков открытия второго фронта с 1943 на 1944 г. Это произошло на фоне разрыва Москвы с польским эмигрантским правительством в Лондоне и сокращения поставок в СССР по ленд-лизу. Напряжение нарастало, и стороны сделали ряд резких заявлений. Из Лондона и Вашингтона были отозваны советские послы И. М. Майский и М. М. Литвинов. Москва всерьез опасалась за политику союзников и задавалась вопросом — хотят ли они быстрее окончания войны, или, напротив, добиваются взаимного ослабления противников на советско-германском фронте?

Видимо, не случайно в начале 1943 г. в госдепартаменте, Управлении стратегических служб и других государственных и разведывательных ведомствах США, широкое распространение получили «сведения» о вероятном выходе России из войны и заключении Москвой сепаратного мира с Германией. Можно

предположить, что некоторые из подобных оценок, сделанных УСС, безусловно, достигали внимания Рузвельта по причине достаточно близких отношений У. Донована (директора УСС) с американским президентом¹². С другой стороны, в недрах того же УСС летом 1943 г. обсуждалась и другая вероятность — наводнение советскими армиями всей Европы, что станет прелюдией к третьей мировой войне¹³.

Все это говорило об опасении западных союзников не только за отношения с Советским Союзом, но и за свою «большую стратегию», основанную на прагматических расчетах. Сохранить доверие СССР без ответа на коренной вопрос: когда и где произойдет высадка англо-американских сил в Европе — становилось теперь невозможным. От этого в решающей степени зависело и послевоенное взаимодействие с Москвой. Проблема второго фронта была решена на Тегеранской конференции союзников в конце 1943 г., когда срок высадки во Франции был назначен на май 1944 г.

В 1943–1945 гг. происходило изменение отношения Рузвельта, равно как и Черчилля к «прибалтийскому», «польскому» вопросам, положению на Балканах, разделу Германии. Главную роль здесь играл военный фактор, успехи борьбы на Восточном фронте. Свое мнение в определении нового курса к Москве, часто не совпадавшее с суждениями президента, высказывали представители госдепартамента США, военного ведомства, московского посольства США.

Вполне можно предполагать, что очевидным побудительным мотивом для Рузвельта идти на полномасштабное сотрудничество с Москвой являлась возможность избежать призрака кровавой окопной войны 1914–1918 гг. Другая причина — перспектива привлечения СССР к войне против Японии¹⁴.

Гарриман вспоминал, что президент, несомненно, имел в виду следующую возможность: «если русским армиям удастся сдержать напор немцев, то перед Америкой откроется перспектива ограничить свое участие в войне в основном морскими и воздушными силами ...»¹⁵. Однако президент не мог ограничиться только военными факторами. Само создание международной организации по безопасности также было немыслимо без СССР. Тогда как только такая организация, построенная на иных началах, чем Лига наций, могла способствовать ведущей роли США в мировых делах.

Весной 1943 г. Рузвельт внутренне смирился с вхождением в состав СССР территорий, присоединенных в 1939–1940 г. Но, учитывая общественное мнение, он не хотел публичных заявлений. В канун и в период Московской и Тегеранской конференций 1943 г. президент все же надеялся, что его внутренний и международный авторитет укрепит, если ему удастся уговорить Сталина на коррекцию восточной границы Польши и будущий плебисцит в Прибалтике. Выступая 5 октября 1943 года перед представителями госдепартамента, Рузвельт заявил, что «когда он встретится со Сталиным, то он намерен обратиться к

нему с позиций высоких моральных ценностей. Президент сказал бы ему, что ни Британия, ни мы сами не намерены воевать против России из-за Балтийских стран. Однако в собственных интересах России, исходя из ее нынешнего положения в мире, сделать заявление о том, что спустя примерно два года после войны она организует еще один плебисцит в Балтии... Подобная идея может быть применима и к Восточной Польше. Президент полагает, что новая граница должна в любом случае проходить несколько восточнее линии Керзона. Лемберг [Львов] должен отойти к Польше, и там необходимо провести плебисцит после того, как население оправится от шока войны...»¹⁶. Формальное согласие на такой плебисцит, исключавший международный контроль, им было получено в Тегеране¹⁷.

Важное значение для Белого дома имели факторы экономического развития по окончании войны. Стратегия привлечения СССР к разрешению широких международных проблем позволяла США сохранить западный образ жизни в наиболее развитых европейских странах, и в перспективе давала Америке шанс расширить свое экономическое влияние в различных уголках планеты. Рузвельт рассчитывал на то, что огромные потери в войне и необходимость восстановления промышленности подвигнут Москву к просьбе о получении западной финансовой помощи (такие запросы были сделаны уже в 1944 г.) и сделают Сталина более уступчивым в вопросах устройства Европы.

Суждения Рузвельта о будущем Германии и всей Европы становились все более масштабными. Но это не означало, что подходы к разрешению европейских проблем должны были ущемлять интересы США. Напротив, его «четыре полицейских» уже мыслились как субъекты, осуществляющие совместный контроль и обладающие равными правами для доступа в различные регионы мира, что более подходило для американских интересов в послевоенное время. Одним из свидетельств такого изменения стала динамика отношения Рузвельта к Франции.

Первоначально президент даже исключал ее из числа великих держав, но ближе к концу войны — после высадки в Нормандии, — Рузвельт признал роль лидера «Свободных французов» де Голля. А на Ялтинской конференции он согласился передать под французский оккупационный контроль часть немецкой территории¹⁸. Дело шло к тому, что послевоенных «полицейских» могло оказаться больше, а их ответственность за будущую безопасность Европы совместной, то есть, не ограниченной жесткими рамками сфер интересов. В этом отношении в выгодном положении оказывалась та держава, которая обладала большим потенциалом для экономического влияния на регион.

На Балканах и в послевоенной роли здесь великих держав Белый дом стремился ни в коем случае не допустить сепаратной сделки Москвы и Лондона. 4 октября 1944 г., накануне переговоров Сталина и

Черчилля в Москве, где обсуждалось и так называемое «процентное соглашение», президент через своего посла Гарримана, направил Сталину послание со следующими словами: «Вы понимаете, я уверен, что в нынешней войне буквально нет ни одного вопроса, будь то военный или политический, в котором не были бы заинтересованы Соединенные Штаты»¹⁹.

В секретной приписке к этому письму, предназначенной лично для Гарримана, Рузвельт уточнял: «Моя надежда состоит в том, что эта двусторонняя конференция явится не более, чем предварительным исследованием англичанами и русскими тех вопросов, которые будут обсуждаться уже на полномасштабной конференции с участием нас троих... Очень важно, чтобы мистер Хэлл и я сам имели полную свободу действий, когда закончится эта конференция»²⁰.

Касательно Польши Рузвельт пытался убедить Сталина в необходимости принятия компромиссного решения по вопросу границ, в частности, передать Львов полякам и признать лондонское эмигрантское правительство. Город Львов, по мнению Рузвельта, можно было оставить за Польшей, но в окружении советских территорий. В ноябре 1944 г. президент говорил Гарриману, что город мог бы «представлять собой как бы польский остров посреди украинских фермерских полей. Управлять им будет специальный международный комитет». Когда Гарриман аккуратно заметил, что будет не реально сохранить капиталистический город посреди социалистических колхозных полей, президент чуть было не обиделся, сказав послу, что тот просто не хочет пометать вместе с ним²¹.

Чего в этом было больше — романтизма или тонкого расчета? Думается, что на роль Манилова Рузвельт отнюдь не годился. Шла тонкая игра, в которой любые территориальные уступки необходимо было учитывать в общей глобальной стратегии. Ожесточенные дискуссии, ухудшавшие климат межсоюзнических отношений, вскоре развернулись по проблемам состава и признания нового польского правительства. Рузвельт и Черчилль считали для себя этот вопрос принципиальным важным, и об этом знали в Москве. Накануне Ялтинской конференции, 25 января 1945 г., советский посол в Вашингтоне А. А. Громыко сообщал в Кремль: «...Американцы и англичане будут, по-видимому, изыскивать пути примирения позиций временного правительства Польши [созданного в январе 1945 г. польскими коммунистами при содействии Москвы — М. М.] и эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мне известно, что правительство США возлагает большие надежды на возможное привлечение в правительство Миколайчика... Вполне возможно, что Рузвельт оставит открытым вопрос о признании временного польского правительства Соединенными Штатами, ссылаясь на неподготовленность американского общественного мнения... Такой исход дела мог бы носить лишь временный характер...»²².

Важнейшей в отношениях США — СССР стала германская проблема. Высказываясь за раздробление

страны, Рузвельт еще осенью 1943 г. не исключал, что «немедленное разделение Германии подлежит пересмотру». Как представляется, Рузвельт учитывал здесь не только трудности оккупации, но также возможность образования союзной администрации для управления Германией как *единым целым*. Ответственность за послевоенную Германию могла быть совместной, а ее правительство приверженным принципам западной демократии. С другой стороны, представители Комитета начальников штабов США, составляя план послевоенной оккупации Германии, предполагали включить в американскую зону оккупации Рур и важнейшие порты на севере страны²⁴. Этот вариант не получил одобрения Лондона и Москвы.

Внешнеполитическое ведомство США во второй половине 1944 — начале 1945 гг. стало занимать все более жесткую линию в отношении СССР. Эта линия прослеживается и в активности членов американского посольства в Москве. Как отмечал А. Гарриман, в ноябре 1944 г. Рузвельт уходил от прямых ответов, относящихся к Восточной Европе. Рузвельт считал «европейские вопросы настолько сложными, что лучше стоять от них подальше, по крайней мере, ограничиться проблемами, которые напрямую относятся к Германии...»²⁵. Но после его смерти жесткий подход к действиям СССР возобладал среди политической элиты США.

Весьма значимыми для позиции Вашингтона в 1944–45 гг. являлись данные о том, что многие европейские страны были охвачены левыми настроениями и активно выступали за далеко идущие экономические и социальные реформы по примеру Советского Союза. Это была особая ситуация, при которой влияние СССР могло сказаться в самых различных уголках континента. Все это вынуждало Белый дом к поиску компромиссов с Москвой, но, одновременно, стимулировало к разработке вариантов ограничения советского присутствия в Европе.

Ялтинская конференция Большой тройки 1945 г. стала событием, которое ознаменовалось достижением компромиссов, но одновременно явилась рубежом, за которым все актуальней звучал вопрос — будет ли послевоенная Европа единой или разделенной. Вряд ли возможно согласиться с мнением ряда западных авторов, что в Ялте больной Рузвельт сдал Сталину Восточную Европу, и этого можно было избежать, проводя он более жесткую политику. Документы, отражающие деятельность президента конца 1944 — начала 1945 гг., представляют несколько иную картину. Участвуя в конференции, Рузвельт, несмотря на свое самочувствие, сохранял политическую волю и оперировал сильными аргументами. Так, эксперт госдепартамента Ч. Болен, бывший в Ялте, свидетельствовал: «Тогда как его [Рузвельта] физическое состояние было далеко от нормального, его умственные и психологические способности определенно не были подвержены какому-либо влиянию. Он был вялым, но когда наступали решающие моменты, президент оставался на высоте своего положения»²⁶.

Кажущиеся уступки США Советскому Союзу на Крымской конференции следует рассматривать в плоскости политического прагматизма президента. Рузвельт понимал, что усиление позиций СССР в Восточной Европе неизбежно. Однако американские послевоенные интересы в Европе оставались для Рузвельта приоритетными.

После Ялты жесткая линия сторон по «польскому вопросу» способствовала нарастанию межсоюзнических противоречий. Но ситуация еще более обострилась сепаратными контактами американской разведки с представителями германского командования. Переговоры в Берне в начале 1945 г. нельзя считать «частным» делом союзников, ибо в итоге могла произойти капитуляция вермахта не только на средиземноморском ТВД, но и на всем Западном фронте, тогда как о прекращении борьбы на Восточном фронте речи не шло.

Кончина Рузвельта в апреле 1945 г. усилила тенденцию к нарастанию негативных перемен в советско-американских отношениях. Но далеко не все зависело только от личности хозяина Белого дома и отношения к нему со стороны Сталина. Именно противоречия геополитических интересов западных союзников и СССР, отягощенные различиями в социально-экономическом строе и идеологической борьбой, стали основой для развития послевоенной конфронтации — «холодной войны». Еще до капитуляции Германии Европа стала для Америки, и, прежде всего, для президента Рузвельта, важнейшим звеном в конструировании всей будущей системы влияния на глобальные процессы, происходящие в мире.

О том, какие альтернативы взаимодействия с СССР по европейским делам существовали у правительства США весной 1945 г. говорилось в «Меморандуме о возможном развитии отношений между США и СССР в послевоенное время». Этот документ разрабатывался в недрах Управления стратегических служб в марте — начале апреля 1945 г. Но познакомиться с ним Ф. Рузвельт так и не успел, и он лег на стол его приемника. В пояснительной записке к меморандуму, которую директор УСС У. Донован приложил 5 мая для нового хозяина Белого дома Г. Трумэна, подчеркивалось: «Возможно, мы будем не в состоянии ожидать, пока Россия полностью обнаружит свои намерения, и должны предпринять определенные меры для обеспечения собственной безопасности... Решающее значение будет иметь такое разрешение германского вопроса, которое будет удовлетворять интересам как СССР, так и Америки, в сфере которой находятся западноевропейские страны. Это обеспечило бы значительный противовес влиянию России. В Меморандуме предлагается сделать все возможное для поддержки в западноевропейских странах экономического благосостояния и популярных демократических режимов, которые во взаимодействии с Великобританией и Соединенными Штатами стремились бы создать баланс позиции России...»²⁷

Основное различие в подходах Рузвельта и Трумэна к внешнеполитическим действиям Москвы заключалось в том, что Трумэн не только прислушивался, но и стал отдавать предпочтение самым негативным оценкам и прогнозам ведения дел с Советским Союзом. В свою очередь, Кремль также не использовал тех позитивных изменений образа СССР, произошедших в США в годы войны. Не учел он и то, что его жесткие действия с целью создания «пояса безопасности», укрепления своего влияния в восточноевропейских странах с помощью прокоммунистических сил, не могли не вызвать крайне негативную реакцию США.

Кроме госдепартамента, американского посольства в Москве, другим важным источником ужесточения американского курса к СССР являлось мнение высших военачальников США. Они полагали, что теперь Вашингтон может не оглядываться на решение Кремля вступить в борьбу с Японией. Американские войска успешно продвигались к ней с южного направления. Смерть президента Рузвельта и окончание войны в Европе разрушили основные заслоны к началу разработки секретных докладов, рассматривавших СССР как потенциального противника. Важнейшей вехой в активизации этой работы стало испытание и боевое применение США атомного оружия. В то же время, отказ Белого дома официально информировать Москву о ядерных достижениях США (о которых было известно советской разведке) не мог не восприниматься Кремлем как явное недоверие, граничащее с будущим силовым давлением на Советский Союз.

В итоге масштабной работы американских начальников штабов, подконтрольных им разведывательных и аналитических структур, во второй половине 1945 г. на свет появилось ряд секретных документов. Они были посвящены не только возможностям и уязвимости Советского Союза, но и определяли первые цели (первые 20 городов) на территории СССР, предназначенные для атомной бомбардировки²⁸. Такая активность происходила на фоне обострения дискуссий между Москвой и западными союзниками по широкому кругу международных проблем. Это усиливало уже обозначенные тенденции Белого дома использовать бомбу в качестве силового фактора в ведении дел с Кремлем.

Военные и политики США в конце войны и в первые же послевоенные месяцы имели тенденцию исходить не из намерений Москвы (не всегда однозначно враждебных к западному миру, а порой и наоборот), а из возможностей Советского Союза. Ущербность механизма мышления американских военных здесь очевидна: если СССР способен воевать с

США, значит, он это использует, следовательно, надо готовиться к превентивному удару по его территории. В данном случае отсутствие здравого смысла компенсировалось стремлением накачивать мускулы. На этом фоне и шло скатывание двух держав, Европы и всего мира к «холодной войне». Рузвельт сделал очень много для создания послевоенной американской сверхдержавы — империи нового типа. Но Трумэн воспринял от предшественника не только курс на глобальное влияние США во всех уголках планеты, но и известную незавершенность линии по отношению к СССР. Жесткий курс к Советскому Союзу окончательно утвердился в конце 1940-х. Но его истоки ясно проявились в секретных документах американского Комитета начальников штабов 1945 года.

Факт, что по ряду политических вопросов СССР не проявил достаточной гибкости для достижения компромиссов. Тем не менее, Москва старалась избежать «холодной войны». Именно прямая военная угроза, вплоть до развязывания атомной войны, перед которой она была поставлена, военно-экономическое давление предопределяли ее начало. Разработки военных планировщиков 1945 г. стали основой для появления в последующие годы уже основательных планов ведения ядерной войны против СССР. В то же время военные аналитики однозначно делали заключение, что СССР не сможет в ближайшее время представлять опасность для собственно американской территории²⁹.

Активный внешнеполитический курс США, воспринятый в новых условиях и в новом, открыто силовом, обрамлении Трумэном, предполагал также очередное соревнование систем, где изначальные позиции США и стран Западной Европы были более основательными, чем у СССР и его союзников в Восточной Европе. Вашингтон при Трумэне не замедлил использовать свое экономическое превосходство и энергично взялся за обеспечение своего лидирующего положения в мире.

Необходимо подчеркнуть, что оценки Советского Союза, дававшиеся в США в ходе войны, претерпевали изменения. Но в основе этих оценок всегда лежал прагматизм. Можно сделать следующий вывод: президент Рузвельт, в отличие от Трумэна, был настроен на поиск компромиссов с СССР в европейских делах. Как последователь Вильсона, равно как и прагматик, он считал, что для будущего мирного устройства крайне опасно превращать Россию в осажденную крепость. Мало у кого сегодня могут возникнуть сомнения, что Рузвельт был искренен в своем стремлении сделать Европу и мир более безопасными, но эта безопасность должна была в первую очередь обеспечивать интересы США.

Примечание

1. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (Далее: FRUS). 1941. Vol. I. Washington: Government Printing Office, 1958. P. 766–767.
2. Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L.: Frank Cass, 2003. P. 127–128.
3. Department of State. Memorandum of Conversation, A. Harriman and R. Atherton, January 22, 1942. US. National Archives (Archive II, College Park, VA) (Далее: NA). RG 59. Entry 373. Box 31.
4. Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939–1945, Talks with F.D.R. — NA. RG 59. Entry 498. Box 54.
5. McCauley M. The Origins of the Cold War, 1941–1949. 3rd Ed. L., N.Y.: Addison-Wesley, 2003. P. 16.
6. Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939–1945, Talks with F.D.R. — NA. RG 59. Entry 498. Box 54.
7. Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М., 1995. С.47
8. JCS Memo. for Info. N 121, CCS 113th Mtg., August 20, 1943. — NA. RG 218. Entry CCS/JCS «Geographical files». Box 209.
9. Из выступления профессора Университета Огаста (Джорджия) Х. Ван Тулла на круглом столе в Институте всеобщей истории РАН «Ленд-лиз в годы второй мировой войны», 14 апреля 2005 г.
10. Дин Дж. Р. Странный союз. / пер. с нем. И. Кадетова; пред и комм. А. Орлова. М.: Олма-Пресс Звездный мир, 2005 С.84–93
11. Gannon Robert I. The Cardinal Spellman Story. N.Y.: Doublday, 1962. P. 222–224.
12. Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L.: Frank Cass, 2003. P. 168.
13. Wartime Washington: The Secret OSS Journal of James Grafton Rogers, 1942–1943. / ed. T. Troy. Frederick, Md: University Publ. of America, 1987. P. 121–122, 157.
14. McCauley M. Op. Cit. P. 16.
15. Цит. по: Ibid. P. 16
16. Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939–1945, Talks with F.D.R. — NA. RG 59. Entry 498. Box 54
17. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Сб. документов. В 2-х тт. М.: Издательство политической литературы, 1984. Т. 1. С. 453– 456.
18. Schwabe K. The United States and Europe from Roosevelt to Truman. // The Failure of Peace in Europe, 1943–1948 / ed. by A. Varsori and E. Calandri. N.Y., L.: Palgrave, 2002. P. 22.
19. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 2. С. 224.
20. F. Roosevelt to A. Harriman, October 4, 1944. — US. Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers (Далее: WAHP). Chronological file (далее — CF). Cont.174.
21. A. Harriman. Memorandum of Conversation with the President During Trip to Washington, D.C., October 21—November 19, 1944. — WAHP. CF. Cont. 175
22. А. Громыко—В. Молотову, 25 января 1945 г. — Архив внешней политики Российской Федерации (Далее: АВПРФ). Ф. 06 (Секретариат В. Молотова). Оп. 7а. П.57. Д.5. Л.12
23. Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939–1945, Talks with F.D.R. — NA. RG 59. Entry 498. Box 54.
24. Memorandum by the Director, Civil Affairs Division, War Department («Spheres of Occupation in Europe»). Attachment to JCS, Note by the Secretaries, April 12, 1944. — US. NA. RG. 218. Entry CCS/JCS «Geographical files». Box 308.
25. A. Harriman. Memorandum of Conversation with the President During Trip to Washington, D.C., October 21—November 19, 1944. — WAHP. CF. Cont. 175.
26. Цит. по: My Dear Mr. Stalin. The Complete Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin/ Ed., with Comment., by S. Butler. Foreword by A. Schlesinger, Jr. New Haven and London: Yale University Press, 2005. P.IX-X
27. W. Donovan to H. Truman, May 5, 1945. — US. NA. RG 226. M 1642. Reel 25.
28. JIS, Memorandum for the Secretary, 20 October, 1945. — NA. RG 218. Entry CCS/JCS «Geographical files». Box 208
29. Report by the Military Intelligence Service («Postwar Economic Policies and Capabilities of the USSR»). Attachment to JIS, Note by the Secretary, November 1, 1945. — NA. RG 218. Entry CCS/JCS «Geographical files». Box 208.; Report by JIC («Strategic Vulnerability of the USSR to a Limited Air Attack»). Attachment to JIC, Note by the Secretary, December 3, 1945. — NA. RG 218. Entry CCS/JCS «Geographical files». Box 208.